УДК 811.512.212, 81'33**UDC 811.512.212, 81'33****Процукович Елена Александровна, Иванашко Юлия Петровна,****Морозова Ольга Николаевна****Амурский государственный университет****г. Благовещенск, Российская Федерация****Elena A. Protsukovich, Yulia P. Ivanashko, Olga N. Morozova****Amur State University****Blagoveshchensk, Russian Federation****amursea@mail.ru, polia-80@mail.ru, morozova_olga06@mail.ru**

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* **CODE SWITCHING IN THE EVENKI LANGUAGE**

Аннотация

В условиях билингвизма речь современного носителя эвенкийского языка представляет собой постоянное переключение с родного языка на русский язык. В статье рассмотрены случаи переключения кодов на материале устной монологической речи носителей зейского, джелтулакского и селемджинского говоров эвенкийского языка. Тесный контакт русского и эвенкийского языков оказывает влияние на лексический состав эвенкийского языка, что приводит к заимствованиям и вытеснению исконной лексики. Другим следствием давления доминирующего русского языка являются изменения в синтаксисе эвенкийского языка. Частотными случаями переключения кодов также является заимствование дискурсивных маркеров.

Abstract

In the conditions of bilingualism, the speech of modern native speakers of the Evenki language is a constant switching from the native language to the Russian language. The article focuses upon cases of code-switching that were found in oral monologic speech of the Zeya, Djeltulak and Selemzha local accents speakers of the Evenki language. Constant interaction between the Russian and Evenki languages influences the lexical composition of the Evenki language leading to Russian borrowings that replace the original ethnic vocabulary. Another consequence of the pressure that dominant Russian puts on Evenki is the change in the syntax of the latter. Discourse markers borrowings were quite frequent instances of code-switching as well.

Ключевые слова: эвенкийский язык, русский язык, билингвизм, переключение кодов, дискурсивные маркеры.

Keywords: the Evenki language, the Russian language, bilingualism, code switching, discourse markers.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_1_58_68

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в

1. Введение

Эвенки являются коренным народом Российской Федерации, населяющим обширную территорию от Енисея на западе до Охотского моря на востоке [Сибирь. Атлас Азиатской России, 2007, с. 734]. В Амурской области эвенки являются единственными представителями коренных малочисленных народов Севера. Основная доля эвенков, проживающих на территории Амурской области, сосредоточена в местах компактного проживания в Зейском, Тындинском и Селемджинском районах. Эвенкийский язык, использующийся на территории Амурской области, относится к северной группе тунгусо-маньчжурских языков, восточной группе диалектов [Булатова, 1987]. Основными говорами являются джелтулакский (с. Усть-Нюкжа, с. Первомайское), зейский (с. Бомнак) и селемджинский (с. Первомайское) [Болдырев, 2013, с. 4].

Степень владения этническим языком у амурских эвенков зависит от различных социолингвистических факторов: возраста, места проживания, занятий традиционной хозяйственной деятельностью, семейных и индивидуальных особенностей. Все носители эвенкийского языка, проживающие на территории Амурской области, владеют русским языком, однако не все эвенки знают эвенкийский язык: в настоящее время сообщество переживает языковой сдвиг, свидетельствующий об абсолютном функциональном доминировании русского языка [Процукович, 2015]. Младшее и среднее поколения эвенков в повседневном общении предпочитают использовать русский язык. Старшее поколение в общении друг с другом ещё продолжает пользоваться этническим языком, однако даже их речь на родном языке наполнена русскими заимствованиями [Болдырев, 2013, с. 18].

В условиях билингвизма устная спонтанная речь на эвенкийском языке носит характер двуязычия: в ней соединяются единицы двух типологически разных, но тесно контактирующих эвенкийского и русского языков. Особенностью двуязычной коммуникации является постоянное переключение с эвенкийского языка на русский язык либо вкрапления разных по объёму элементов русского языка во фразы на этническом языке.

Согласно Е. А. Проценко, переключение кодов является сложным, определённым образом организованным и управляемым процессом, требующим особой компетенции [Проценко, 2004, с. 126]. По мнению Ж. Багана, способность говорящего к переключению свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком и об определённом уровне коммуникативной и общей культуры человека [Багана, 2004, с. 64].

В данной работе под переключением кодов мы понимаем попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта [Figuerola, 1995, с. 14]. Для обозначения одиночной фонетически и морфологически неадаптированной единицы русского языка внутри фразы на эвенкийском языке используется термин «вкрапление» [Беликов, 2001, с. 18]. Целью статьи являлись описание конкретных случаев переключения кодов в речи двуязычных эвенков в результате эвенкийско-русского языкового контакта и анализ механизмов адаптации единиц

русского языка в высказываниях на эвенкийском языке. Согласно рабочей гипотезе, мы ожидали большего количества случаев переключения кодов в речи более молодых эвенков и меньшего – у более возрастных. Для проверки данной гипотезы был проведён эксперимент.

2. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили монологические спонтанные высказывания трёх дикторов: D1 – Сафронова Татьяна Николаевна, 1935 г. р., носитель селемджинского говора эвенкийского языка, проживает в селе Ивановское Селемджинского района Амурской области; D2 – Петров Олег Васильевич, 1979 г. р., носитель зейского говора эвенкийского языка, проживает в селе Бомнак Зейского района Амурской области; D3 – Габышева Алевтина Васильевна, 1961 г. р., носитель желтулакского говора эвенкийского языка, проживает в селе Усть-Нюкжа Тындинского района Амурской области*. Для всех дикторов эвенкийский язык является родным, используется постоянно в различных ситуациях общения.

Анализируемый в настоящей статье звуковой материал записан во время экспедиций в места компактного проживания эвенков Амурской области в 2014–2017 годах. Расшифровка лингвистического материала и перевод с эвенкийского языка выполнен Н. Я. Булатовой и О. Н. Морозовой. В ходе слухового анализа аудиозаписей осуществлялся подсчёт лексических единиц и морфем русского языка, используемых дикторами в спонтанной эвенкийской речи.

Анализируемый монолог D1 представляет собой рассказ о послевоенном детстве диктора. Употреблённая эвенкийская лексика охватывает различные темы: семьи и родства, обмена и купли-продажи, рукоделия, охоты, заготовки еды, выделки шкур, некоторым трудностям военного времени. Никаких лексических единиц, отражающих особенности современной действительности, не представлено. Этому могут быть три причины. Во-первых, ограниченность тематики спонтанного высказывания – воспоминания о былом; во-вторых, пожилой возраст диктора и особенности её стиля жизни – приверженность традиционному укладу; в-третьих, «застывший» характер эвенкийского языка, вызванный отсутствием словотворчества, отражающего динамику современного экономического, культурного и политического глобального и регионального развития. Рассказ D1 содержит 367 слов, среди них эвенкийских слов – 270, русских – 98.

Аудиотекст в произнесении D2 является отрывком высказывания, полученного при записи образцов звучащей речи носителей зейского говора эвенкийского языка. Употреблённая эвенкийская лексика охватывает различные темы: охота, заготовка еды, времена года, некоторые трудности проживания в тайге, увлечения диктора. В тексте также представлены лексические единицы, отражающие особенности современной действитель-

* Все персональные данные приводятся с разрешения информантов.

ности: телевизор, вертолёт и так далее. Рассказ содержит 244 слова: эвенкийских слов – 209, русских – 30.

Автобиографический рассказ D3 представляет собой воспоминания информанта о детстве, школьных годах, замужестве, семейной жизни. В монологе данного диктора не представлены лексические единицы, обозначающие реалии современной жизни, что может быть связано с узкой тематикой высказывания. В рассказе D3 – 307 слов, 233 из них – эвенкийские, 74 – русские.

В ходе исследования были использованы стандартные методы и приёмы: сравнение, описание, измерение, анализ, обобщение, аналогия, индукция; применялись системный и антропоцентрический подходы.

3. Результаты исследования

На рисунке 1 представлены данные о частоте перехода на русский язык в речи носителей эвенкийского языка.

Р и с у н о к 1. Частота перехода на русский язык в речи носителей эвенкийского языка (в %)

Как видно из гистограммы, переключение кода в речи носителей эвенкийского языка реже всего было отмечено в речи D2 и составило 12% от общего количества использованных лексических единиц. В речи D3 частота перехода на русский язык составила 21%. Самый большой процент вкраплений русского языка был зафиксирован в речи D1 и составил 27%. На наш взгляд, высокая сохранность владения эвенкийским языком у D2 – самого молодого из информантов – может быть связана родом деятельности данного диктора – по роду занятий он является оленеводом. Несмотря на активное использование этнического языка в бытовой коммуникации, в речи D3 – самого старшего диктора – переключение кода происходит наиболее часто, что может быть связано с неблагоприятной социолингвисти-

ческой ситуацией в селе Ивановское Селемджинского района [Болдырев, 2013, с. 13; Морозова, 2014, с. 213].

Анализ монологических высказываний показал, что переключение на русский язык в речи дикторов может происходить внутри предложения и сопровождаться вставкой (вкраплением) отдельных слов в эвенкийское предложение (вкрапления в эвенкийских фразах выделены курсивом). Приведём некоторые примеры.

(1) То момин ариипу гунэрй *магазинчик* эргэчйн дёкйкән бичэн (D1).

(1) В тот момент «ариипу», магазинчик такой маленький был (D1).

(2) Хавāя āчин нйāн энэ́т ситана – *привычка* (D1).

(2) Без работы тоже не получается – привычка (D1).

(3) Тариннар *кета* о́дакин, солиттэв дюганиндява (D1).

(3) Когда кета приходит, солим все лето (D1).

В представленных примерах русские вкрапления использованы дикторами с учётом правил грамматики и морфологии русского языка, однако чаще при использовании заимствованной лексики в эвенкийской речи, дикторы следуют правилам морфологии эвенкийского языка, применяя суффиксы и окончания родного языка. По мнению Л. Гренобль, когда словоформа доминирующего языка оформлена морфологическими признаками этнического языка, можно считать, что это слово уже вошло в его языковую систему [Гренобль, 2007, с. 121]. Нижеследующие примеры демонстрируют указанную особенность.

(4) Эткэн *посёлкадү* бидерэв (D3).

(4) Сейчас живем в посёлке (D3).

(5) *Школалā* суручэм дяпкун аннанйдүви, *школалā* суручэм, бӯчэтын *интернаттыкй* амахалым (D3).

(5) В школу пошла в восемь лет, меня родители отдали в интернат (D3).

(6) Бй *школадү* брэндечэм дян *класстолā* (D3).

(6) Я в школе училась до десятого класса (D3).

(7) И эткэн, олыгин бадага, āчин о́тыра – *дедушкал* и *бабушкал*, нй тадү бидечэн... (D3).

(7) И сейчас, кажется, не стало дедушек и бабушек, из тех, кто там жил (D3).

(8) *Кривляйсядā*, эна, клейдаи (D2).

(8) Кривляется, и что-то еще делает (D2).

Не может не вызывать интерес тот факт, что в речи D3 отмечены случаи употребления одних и тех же вкраплений с использованием как правил эвенкийского, так и русского языка.

(9) *Коля* хавадьяран, сэлэ октодү, путейцэм (D3).

(9) Коля работает на железной дороге, путейцем (D3).

(10) Тадук эдылэчэм Габышев *Колялā* (D3).

(10) Потом вышла замуж за Габышева Колю (D3).

(11) Тадук *Колеmtэ* āчин о́ран (D3).

(11) Потом мой муж Коля умер (D3).

(12) Бй гундеңнэм: «Папа, тар эчэ бэюн бирэ – тōкйкүн, эчэ». А папам эчэ бддәрэ, миндүк нэлэлчэ, что бй нэлэлдеңэм (D3).

(12) Я ему отвечаю: «Папа, это не дикий олень, это – лось». Папа не стал стрелять (в него), за меня побоялся, что я испугаюсь (D3).

(13) Амтылви минңыл Савины: Савин Василий Павлович, мама Савина, Семёнова была она (D3).

(13) Родители мои Савины: Савин Василий Павлович, мама Савина, Семёнова была она (D3).

(14) Аминым бичэн охōтник, мāmам... (D3).

(14) Отец мой был охотник, мама...(D3).

Частотными случаями перехода на русский язык в речи информантов являются примеры внешнего переключения кода, подразумевающее переключение с одного языка на другой за границами предложения, между целыми фразами в рамках одного текста (см. об аналогичных случаях [Thomason, 2001, с. 132]).

(15) У нас мундү баран сō нэкнылбун бичэтын, кираямакир, самый хэгдыгү бй. *Старший, поэтому больше всех досталось* (D1).

(15) У нас очень много братьев, сестер было, малолетние, самая большая я. Старшая, поэтому больше всех досталось (D1).

(16) Тадү бй эхэкәннүми Тйтэ гунэри *старик был, отцовый старший брат* (D3).

(16) Там я с дедушкой, Тит по имени старик был, старший брат отца (D3).

(17) Тунца анңанйли бй эдылэчэм за *Андреева Родиона Владимировича* (D3).

(17) Через пять лет я вышла замуж за Андреева Родиона Владимировича (D3).

(18) Сәнны эхин тāлава? *Это озеро* (D1).

(18) Знаешь, наверное, что такое тала? Это озеро (D1).

(19) Умун мйла бēгадү, *пачку грамм 100–200 сахаркүн, норма в общем* бичэн дурукин.

(19) Одно мыло в месяц, пачку грамм 100–200 сахарка, норма в общем была на всё (D1).

(20) Тадү умун бэе *принимал. Пушкина, мясо бутунну принимал. Все сдавали* (D1).

(20) Там один человек принимал. Пушкина, мясо, всё принимал. Все сдавали (D1).

Монологические высказывания, подвергшиеся анализу, представляют собой нарративные истории и бытовые рассказы, в ходе которых дикторы обычно следуют определённой хронологической последовательности событий. Переключение языкового кода характерно для выражения формально-грамматической связности текста. Нижеприведённые фрагменты встречаются последовательно в речи всех дикторов и являются иллюстративными примерами чередования кодов.

(21) *Потом* чāскй уручэ

(21) Потом дальше идёт

- (22) *Потом* гёва нян удяилчā
- (22) Потом за следующим идёт по следу
- (23) *Потом* гундеиммён...
- (23) Потом говорит...
- (24) *Потом*, дюгаракин, мунэвэ заставляли тыкэн.
- (24) Потом, когда наступало лето, нас заставляли так.
- (25) *Тогдā* хутэлим нюкучукōр бичэтын (D3).
- (25) Тогда мои дети были ещё маленькие (D3).
- (26) Тадук эхйлэ палаткава имāмилдо тāныңнанны *и всё* (D2).
- (26) Затем палатку, заваливая снегом, натягиваешь и всё (D2).
- (27) Отūва илаңнанны *сразу* (D2).
- (27) Костёр разжигашь сразу (D2).

В ситуациях различных отклонений от основной последовательности событий, при вставке комментариев или пояснений также отмечены случаи переключения.

- (28) *Оказывается*, тар бэюкүн бичэ (D3).
- (28) Оказывается, это действительно был дикий олень (D3).
- (29) *В основном*, сāңнарав, что вертолёт биденэн (D2).
- (29) В основном, знаем, что вертолёт будет (D2).
- (30) *Даже* бучугураспа сдавали (D1).
- (30) Даже рябчиков сдавали (D1).

Переключение кода на уровне синтаксиса традиционно рассматривается при фрагментации текста, для чего используются дискурсивные слова или маркеры. Дискурсивные маркеры являются языковыми инструментами структурирования дискурса – это слова, фразы или звуки, не имеющие реального лексического значения, но обладающие функцией формирования разговорной структуры [Словарь социалингвистических терминов, 2006.]. Единицы данного класса выражают отношение говорящего к адресату или к ситуации, о которой идёт речь, его намерения, предположения и эмоции [Дискурсивные слова русского языка, 1998]. Использование дискурсивных маркеров русского языка в спонтанной речи эвенков является наглядным примером переключения кодов.

- (31) *Совсем* ухат дядаңит бичэт бōлла билир (D3).
- (31) Совсем плохо, бедно жили раньше (D3).
- (32) Бучугурасалба, *хорошо* бэричй бичэ бихим (D2).
- (32) Рябчиков, хорошо, что ружьё было (D2).
- (33) *Уже* дялби гунчэрэ минэ эхэ тэкэгэчэ, эхэ депчэ (D2).
- (33) Уже друзья подумали, что меня медведь разорвал, медведь съел (D2).

Для введения дополнительной информации и для передачи модальных значений в эвенкийской речи часто присутствует русское наречие *ещё*.

- (34) Тар-ты, тадук экун *ещё*? (D2).
- (34) Ну вот, затем что ещё? (D2).
- (35) Курё оролывкй, *и ещё* оролывкй палāткавэ (D3).
- (35) Изгородь обходит, и ещё обходит палатку (D3).

Дискурсивная единица *да*, заимствованная из русского языка, используется для выражения определённой степени неуверенности и способствует развитию речевого потока в ходе лексического поиска.

(36) Инэңил дэгдеячккил, *да?* (D3).

(36) Дни пролетают, *да?* (D3).

(37) Тар-ты некэденэл, булҕадынал, *да?* (D3).

(37) Так, живя, охотясь, *да?* (D3).

(38) Зимой ладно, *да*, тугэ... уллэвэ, эва, даже бучугураспа вāмӣ, заморозили и то сдавали (D1).

(38) Зимой ладно, *да*, зимой, мясо, и тому подобное, даже рябчиков, если убивали, замораживали и то сдавали (D1).

В ходе исследования была зафиксирована высокая частотность использования немотивированного с точки зрения смысловой стороны высказывания разговорно-сниженной утвердительной частицы *ага*.

(39) Бучйинни, бутунну сдаёшь, *ага* (D1).

(39) Вялишь, все сдаёшь, *ага* (D1).

(40) *Ага*, палаткава вокруг, курёвэ обходипкй... (D3).

(40) Ага, вокруг палатки, изгороди обошла ... (D3).

Частица *ну* в условиях конкретной речевой ситуации, известной адресату речи, выражает установку на взаимопонимание и кооперацию [Шмелев, 2004, с. 205–222]. В исследуемом материале были обнаружены и такие примеры.

(41) *Ну*, эвэл, энял... оронмōтыл манāбдыра, манапчāl почти... (D3).

(41) Ну, бабушек, дедушек, да и олени у них кончаются, почти закончились... (D3).

(42) *Ну*, тайгаду-багас ачин-да бихин телевизор (D2).

(42) Ну, в тайге же нет телевизора (D2).

(43) *Ну, а чо?* (D2).

Вопросительное местоимение *что* в просторечной форме *чо* реализуется также в речи D1.

(44) *Чо* добыли, *чо* нашли, всё сдавали (D1).

4. Заключение

Речь современного носителя эвенкийского языка представляет собой постоянное переключение с родного языка на русский язык. Исследование устной спонтанной речи амурских эвенков позволило сделать следующие выводы.

1. Частота перехода на русский язык у дикторов исследования составляет в среднем 20%. Наибольшая сохранность эвенкийского языка отмечена в речи носителя зейского говора эвенкийского языка, средняя – в речи информанта – носителя желтулакского говора. Самый большой процент русских вкраплений – 27% зафиксирован в речи носителя селемджинского говора эвенкийского языка. Между тем, по трём дикторам невозможно судить о силе влияния факторов «возраст», «пол», «вид деятельности», «говор». Необходимо привлечение бóльшего количества испы-

туемых для того, чтобы можно было сделать какие-либо выводы, что, однако, сопряжено с трудностями, связанными с особым статусом эвенкийского языка как исчезающего.

2. Переключение кода в большинстве случаев является немотивированным, когда включения элементов русского языка в эвенкийский происходят в разных местах предложения и не определяются ожиданиями собеседника. На уровне лексики подобное переключение может привести к заимствованиям и вытеснению исконной лексики.

3. В качестве русских вкраплений в эвенкийскую речь употребляются различные знаменательные части речи. В процессе использования заимствованной лексики в эвенкийской речи, информанты прибегают как к правилам грамматики и морфологии русского языка (*ноябрь, вертолёт, охотник, привычка, сахарный диабет, это озеро* и др.), так и следуют правилам морфологии эвенкийского языка, применяя суффиксы и окончания родного языка (*старикѝл, палаткала, экспедицияду, сахаркѝн, фамилиян, лопѝтава* и др.).

4. Согласование русских включений в спонтанную речь на эвенкийском языке представлено как нормативными (*старший брат, долгая история, во время войны, была она, род мой, год рождения* и др.), так и ненормативными вариантами (*во второй бригада, остальной кету, длинный полоски*).

5. Следствием влияния доминирующего русского языка являются изменения в синтаксисе эвенкийского языка. Частотными случаями внутреннего переключения кодов является заимствование дискурсивных маркеров: наречий (*совсем, вокруг, хорошо, уже, сразу, ещё* и др.), частиц (*туда, ладно, ну, да, ага* и др.), маркеров когезии (*тогда, потом, сразу* и др.).

6. Переключение кода в спонтанной эвенкийской речи составляет коммуникативную систему современного билингва, владеющего эвенкийским и русским языками.

Список литературы

1. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области [Текст] / отв. ред. О. П. Сунник ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Ленинград : Наука, Ленингр. Отд-ние, 1987. – 168 с.
2. Багана, Ж. К вопросу о переключении кодов [Текст] / Ж. Багана, Ю. С. Блажевич ; БелГУ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 12. – Вып. 6. – С. 63–68.
3. Беликов, В. И. Социолингвистика [Текст] / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М., 2001. – 439 с.
4. Болдырев, Б. В. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области = Сэлэмдеды говор эвэды турэрукин. Ч. 1. [А–Н] : 16800 слов [Текст] / Б. В. Болдырев, Г. В. Быкова, Л. А. Соловьёва; М-во образования и науки РФ [и др.]. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – 463 с.
5. Гренобль, Л. Переключение кодов и изменения в языковой структуре (на материале эвенкийского языка) [Текст] / Л. Гренобль // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. – СПб. : Нестор, 2007. – С. 116–138.

6. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания [Текст] / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. – М. : Азбуковник, 2003. – 207 с.
7. Морозова, О. Н. Уровень владения эвенкийским языком в Зейском, Селемджинском и Мазановском района Амурской области [Текст] / О. Н. Морозова // Обучение иностранному языку на современном этапе студентов высших и средних общеобразовательных учреждений на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-методической видеоконференции. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2014. – С. 207–214.
8. Проценко, Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике [Текст] / Е. А. Проценко // Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – С. 123–127.
9. Процукович, Е. А. Уровень владения эвенкийским языком в местах компактного проживания эвенков Амурской области [Текст] / Е. А. Процукович // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 85–93.
10. Сибирь. Атлас Азиатской России [Текст] / Н. Н. Аблажей, Ц.-Б. Б. Бадмажапов, Ф. Ф. Болонев и др. – М. : Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. – 864 с.
11. Словарь социолингвистических терминов [Текст] / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. – 312 с.
12. Шмелев, А. Д. «Заполнители пауз» как коммуникативные маркеры // Жанр интервью: особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге – Tampere (= Slavica Tampereusia VI), 2004.
13. Figueroa, L. Knowing the code [Text] / L. Figueroa // Hispanic. – 1995. – Vol. 8. – P. 14–14.
14. Thomason, S. Language Contact [Text] / S. Thomason. – Edinburgh University Press, 2001. – 310 p.

References

1. Bulatova, N. Ya. (1987). *Govory evenkov Amurskoy oblasti* [Evenki local accents of the Amur Region]. Leningrad : Nauka.
2. Bagana, Zh., Blazhevich, Yu. S. (2010). K voprosu o pereklyuchenii kodov [On the issue of switching codes]. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnyye nauki* [Scientific bulletins of BelSU. Ser. Humanitarian sciences], 12 (6), 63–68.
3. Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow.
4. Boldyrev, B. V., Bykova, G. V., Solov'eva, L. A. (2013). *Slovar' selemdzhinskogo govora evenkov Amurskoy oblasti* [Dictionary of the Selemdzha Evenki local accent of the Amur Region]. Part 1 [A–N]: 16800 words. – Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
5. Grenobl, L. (2007). Pereklyucheniye kodov i izmeneniya v yazykovoy strukture (na materiale evenkiyskogo yazyka) [Switching Codes and Changes in the Language Structure (Based on the Evenki Language)]. *Yazykovyye izmeneniya v usloviyakh yazykovogo sdviga* [Language Changes in the Conditions for Linguistic Shift] (pp. 116–138). St. Petersburg : Nestor Press.

6. Diskursivnyye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya [Discursive words of the Russian language: Experience of contextual-semantic description] (1998). Ed. by K. Kiselevoy and D. Payara. Moscow.
7. Morozova, O. N. (2014). Uroven' vladenija jevenkijskim jazykom v Zejskom, Selemdzhinskom i Mazanovskom rajona Amurskoj oblasti [The level of knowledge of the Evenki language in the Zeya, Selemdzha and Mazanovsk districts of the Amur Region]. *Obuchenie inostrannomu yazyku na sovremennom etape studentov vysshikh i srednikh obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy na sovremennom etape* [Teaching a foreign language for higher and secondary school students at present time] (pp. 207–214). Blagoveshhensk : Amur State University Press.
8. Protsenko, Ye. A. (2004). Problema pereklyucheniya kodov v zarubezhnoy lingvistike [The Problem of Switching Codes in Foreign Linguistics]. *Vestn. Voronezh. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proc. of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 1, 123–127.
9. Protsukovich, Ye. A. (2015). Uroven' vladeniya evenkiyskim yazykom v mestakh kompaktnogo prozhivaniya evenkov Amurskoj oblasti [The level of the evenki language skills in the amur evenks residences]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 85–93.
10. Ablazhey, N. N., Badmajapov, C.-B. B., Bolonev, F. F. (2006). *Sibir. Atlas Aziatskoj Rossii* (2007). [Siberia. Asian Russia atlas]. Moscow.
11. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms] (2006). Ed. by V. Yu. Mikhajchenko. Rossiyskaya akademiya nauk, Institut yazykovykh issledovaniy, Rossiyskaya akademiya lingvisticheskikh nauk [Russian Academy of Sciences, Institute for Language Studies, Russian Academy of Linguistic Sciences]. Moscow.
12. Shmelev, A. D. (2004). «Zapolniteli pauz» kak kommunikativnyye markery [«Fillers of pauses» as communicative markers]. *Zhanr interv'yu: osobennosti russkoj ustnoy rechi v Finlyandii i Sankt-Peterburge* [Genre of interview: Features of Russian oral speech in Finland and St. Petersburg]. Tampere (= Slavica Tampereusia VI).
13. Figueroa, L. (1995). Knowing the code. *Hispanic*, 8, 14–14.
14. Thomason, S. (2001). *Language Contact*. Edinburgh University Press.